№ 24. 9-ое Іюня 1878 года. Годъ XX.

Подписка на журналъ продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп., съ перес. 20 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногороднаго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

Беконсфильдъ. Гмъ, сколько времени ловлю и все ни одной не поймалъ.

ЕРДЦЕ—НЕ КАМЕНЬ,

ЛЮБОВЬ—НЕ КАРТОФЕЛЬ,

ИЛИ ЛЕГКІЕ ОЧЕРКИ ТАКИХЪ ЖЕ НРАВОВЪ.

(СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ).

„Не любо—не слушай“...
(девизъ разказчиковъ)

„Gott, Gott! ist dein Thiergarten gross!“
(Heine).

Часть Тверская.

Одно изъ представленій въ циркѣ, что на Воздвиженкѣ (Тверской части, 2-го квартала), отличалось приличной случаю торжественностью.—Какъ и слѣдовало ожидать, было дано *Большое блистательное представленіе,* при чемъ ламповщики достойно поддержали честь этого блеска (ну, и свою тоже), освѣтивъ на славу зрительный залъ и арену. Съ 6½ часовъ оркестръ усердствовалъ въ исполненіи избранныхъ лошадиныхъ галоповъ и чудесныхъ симфоній, которыхъ партитуры можно встрѣтить только въ циркахъ, услаждая такимъ образомъ слухъ настоящихъ цѣнителей искусства, собравшихся заблаговременно, чтобы удобнѣе помѣститься на заднихъ скамейкахъ и за одно ужь поинтересоваться, какъ зажигаютъ газъ для блистательныхъ представленій. Потомъ въ свою очередь дорогія ложи, мѣста у барьера и кресла наполнились щеголеватыми шубками и бобровыми воротниками, которыхъ владѣльцы роскошелились, въ виду ожидаемыхъ гиппическихъ удовольствій. Циркъ былъ биткомъ набитъ. Г. Чинизелли, почетный шталмейстеръ Е. В. Короля Италіи, заявивъ предварительно въ афишахъ въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, что льститъ себя надеждою и прочее такое, (какъ это обыкновенно дѣлается съ «высокопочтенной публикою»), не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: дѣла кассы оказались не менѣе блистательны самого представленія.

Аркадій Ивановичъ Куровъ былъ тоже въ числѣ посѣтителей великолѣпнаго зрѣлища и, спокойно усѣвшись въ первомъ ряду, не то полувызывающе, не то полулѣниво сталъ разсматривать львицъ нашего демимонда, расположившихся лагеремъ у барьера. Въ свою очередь, онѣ охотно останавливали на немъ свой испытующій, увѣренный взглядъ и зачѣмъ таить грѣхъ?—оказывались совершенно правы. Дѣйствительно, Куровъ былъ хорошъ собой, но не той парикмахерскою миловидностью, противъ которой протестуетъ мало-мальски развитой вкусъ; напротивъ того, онъ представлялъ настоящій типъ мужской красоты, способный заинтересовать и наполнить ными чертами лице, обрамлялось небольшою темнорусою бородою а-ля Николини и такими же усами; умные, каріе глаза смотрѣли привѣтливо изъ подъ хорошо обрисованныхъ, черныхъ бровей, отражая всѣ цвѣта радуги (по справедливому замѣчанію одной компетентной особы), когда онъ разговаривалъ съ тѣми, кому хотѣлъ нравиться; малый, очень красивый ротъ попеременно складывался то въ дѣтски-добродушную, то въ ироническую улыбку, смотря по выраженію глазъ, составляя съ послѣдними какъ бы одно цѣлое. Его стройная, мужественная фигура и высокій ростъ приводятъ въ восторгъ портныхъ, а умѣніе будто нехотя выказывать природныя преимущества возбуждало не столь симпатичныя чувства среди остальныхъ мужчинъ: зависть, видите ли, не свой братъ. Но за то, вѣроятно въ видахъ справедливости, женщины были безъ ума отъ нашего героя: «Просто душка!» провозглашали пансіонерки, хлопая въ ладоши. «Бояться надо», увѣряли не покинувшія стези добродѣтели дамы; тѣ же неприступныя красавицы, которыя, подобно турецкимъ крѣпостямъ, ждутъ, чтобы ихъ наконецъ взяли,—дѣлали глазки и грозили Курову пальчикомъ, прибавляя: «ахъ вы, Донъ-Жуанъ всероссійскій!» Понятно, что его отношеніе ко многимъ мужьямъ оправдывало пословицу о карасѣ и щукѣ и что, свершая подчасъ одинъ изъ болѣе трудныхъ подвиговъ Геркулеса, онъ являлся повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ нѣсколькихъ «непонятыхъ» женъ и въ то же время пользовался контрабандно ласками, покупаемыми другимъ у какой нибудь сирены демимонда.—Заканчивая портретъ, не лишнимъ считаю прибавить, что Аркадій Ивановичъ былъ сынокъ разорившагося помѣщика, получилъ хорошее образованіе и, по своему положенію, принадлежалъ къ интелигентному пролетаріату, которому приходится размѣнивать умъ и по мелочамъ издерживать остроуміе ради житейскихъ нуждъ. Онъ кое-какъ сводилъ концы. Вотъ и все о немъ.

— А, и Швиндель тоже здѣсь! произнесъ мой герой почти вслухъ, не скрывая чувства гадливости при видѣ пожилаго барина, занимавшаго одну изъ ложъ барьера.—Да кажется и «*Бубновая Дама*» тоже съ нимъ,—прибавилъ онъ мысленно (гораздо впрочемъ снисходительнѣе), когда разсмотрѣлъ сидѣвшую въ той же ложѣ красавицу блондинку. Онъ ее видѣлъ въ первый разъ, но зналъ по наслышкѣ.

Со Швинделемъ они раскланялись, какъ знакомые люди.

Началось представленіе, состоявшее изъ высшей школы ѣзды, пантомимы, дрессировки, гимнастики и другихъ не менѣе интересныхъ нумеровъ. Ученые кони, сознавая всю важность предстоявшей имъ задачи, не ударили въ грязь лицемъ и старались превзойти другъ друга въ

быстротѣ соображенія, въ особенности когда услужливый хлыстъ освѣжалъ ихъ память; дѣвица О., исполняя труднѣйшія упражненія на слабо натянутой проволокѣ, заставляла предполагать удивленныхъ зрителей, будто болѣе доступныя и менѣе трудныя—ей просто ни по чемъ; благовоспитанная «Сатанелла», рыжая кобыла высшей школы, оправдала лестное репоме цирковыхъ педагоговъ; «Командоръ» и «Ахметъ» (тоже четвероногіе артисты) убѣдили каждаго въ томъ, что объ ихъ воспитаніи позаботились не менѣе тщательно, чѣмъ о подготовкѣ миссъ Ф., миссъ З. и нѣсколькихъ малолѣтнихъ къ граціознымъ позамъ и на на спинѣ огромной датской лошади, къ прыжкамъ сквозь и черезъ разные предметы и полезной дѣятельности на трапеціи или висячей лѣстницѣ; наконецъ мудрое изреченіе: „mens sana in corpore sano“ наглядно олицетворилось въ интермедіяхъ клоуновъ, этихъ представителей остроумія, соединеннаго съ мускульною силою. —Даже вспомнить отрадно!

Швиндель наслаждался блистательнымъ представленіемъ на всѣ свои 8 руб., истраченные на ложу. Повидимому *онъ* испытывалъ несказанное удовольствіе, апплодировалъ и бѣсновался. За то его «Бубновая Дама» (мы сохранимъ за ней это названіе) была молчалива и, положивъ на колѣни афишу съ изображеніемъ головы паяца среди двухъ лошадиныхъ мордъ, съ грустью, почти меланхолически созерцающихъ нарисованный подъ ними кнутъ,— она все время смотрѣла на неспускавшаго съ нея глазъ Курова. Только при видѣ отлично дрессированныхъ медвѣдей ей показалось много общаго между калифорнійскими мишками и сосѣдомъ по ложѣ, который продолжалъ хохотать, точно его щекотали въ пятки. Тутъ только она улыбнулась какой-то невеселой улыбкой. Къ остальному была равнодушна.—«Смѣется же, старый идіотъ!» думалъ Аркадій Ивановичъ съ затаеннымъ злорадствомъ, начиная ревновать къ незнакомкѣ. «Бубновая Дама» понравилась ему очень и онъ, какъ замѣчалъ, произвелъ на нее выгодное впечатлѣніе.

Но всему бываетъ конецъ,—даже блистательнымъ представленіямъ. Выходя изъ цирка, Швиндель, съ которымъ мало кто якшался безъ нужды, желая быть менѣе одинокимъ и закончить пріятный вечеръ въ обществѣ порядочнаго человѣка, какимъ Куровъ казался ему на самомъ дѣлѣ,—представилъ его своей дамѣ, пригласилъ отужинать вмѣстѣ съ ними, усадилъ въ извощичью карету, скомандовалъ: «въ Китай-городъ» и увезъ въ «Славянскій Базаръ».

Часть Городская.

Пока извощичьи пегасы мчатъ въ Кремль такъ неожиданно составившееся общество, поспѣшимъ познакомиться ближе съ прекрасной незнакомкой и ея кавалеромъ, красота котораго впрочемъ была поскромнѣе.

Исторія ихъ внѣбрачныхъ отношеній напоминала много другихъ подобныхъ же исторій. Оставшись безъ средствъ послѣ смерти нелюбимаго мужа (онъ былъ выбранъ благодѣтельницей теткой), «Бубновая Дама» пріѣхала въ Москву, долго бѣгала по дешевымъ урокамъ и работала изъ-за грошей. Когда же нужда и хозяйка неоплоченной квартиры особенно надоѣли ей; двадцатитрехлѣтняя красавица отдалась богатому поклоннику съ тѣмъ же затаеннымъ чувствомъ презрѣнія, съ какимъ, надо полагать, молоденькія безприданницы выходятъ за паралитиковъ съ положеніемъ и превосходительныхъ стариковъ. Всѣ эти вкусы существуютъ въ природѣ, а за нихъ казнить и миловать здѣсь я вовсе не намѣренъ.

Біографія «барона» Швинделя (бываютъ вѣдь такіе бароны, увѣряю васъ) гораздо сложнѣе, но до всѣхъ ея подробностей намъ дѣла мало. Скажу только, что всю жизнь питаясь лукомъ, Павелъ Семеновичъ—или вѣрнѣе Пинхасъ Срулевичъ—съумѣлъ на старости лѣтъ сдѣлаться обладателемъ большихъ денегъ и прелестной «Бубновой Дамы» на правахъ безграничной собственности. Онъ съ гордостью повторялъ: «ми машквицы, у насъ въ Машква», хотя похожія на вареный черносливъ глаза, семитическій профиль, съ влетающею въ видѣ балкона нижнею губою и нѣкоторыя характерныя особенности типа обличали въ немъ аристократическаго потомка древнихъ іерусалимскихъ дворянъ. Его нельзя было назвать красавцемъ—и никто не называлъ; а бѣлокурая «Бубновая Дама» находила Швинделя просто отвратительнымъ. Вотъ и вся недолга!

«Баронъ» первый нарушилъ молчаніе, заговоривъ объ удовольствіи видѣть Аркадія Ивановича и съ чувствомъ пожалъ ему руку, когда послѣдній увѣрилъ, что вся честь и удовольствіе на его сторонѣ. Свидѣтельница этихъ сердечныхъ изліяній, съ чисто женскимъ тактомъ, угадала вѣрный смыслъ отвѣта. Понявъ сразу, что Куровъ, подобно ей, не питаетъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ своему собесѣднику, но поѣхалъ вслѣдствіе такъ называемыхъ постороннихъ обстоятельствъ, она улыбнулась новому знакомому многообѣщающею признательною улыбкою, граціозно повернула къ нему голову и, прикусивъ губки, какъ-то особенно кокетливо приложила руку къ переносицѣ и лукаво прищурила глаза. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, маневръ этотъ означалъ пренебреженіе къ глупости Швинделя, принявшаго ходячій комплиментъ за чистую монету.

— Le coup n'a pas porté, monsieur, почти шепотомъ замѣтила бѣлокурая фея, и тутъ же спросила громко, любитъ ли онъ циркъ.

— Въ принципѣ я не одобряю подобнаго развлеченія, а между тѣмъ многія симпатіи моего *спортингъ карактеръ* (произнесено по-англійски) лежатъ всецѣло на сторонѣ этого наивнаго учрежденія. Конечно, я могу быть пристрастнымъ, но, выросши въ довольствѣ, я до недавняго времени пользовался отличными лошадьми; мой гувернеръ швейцарецъ еще въ дѣтствѣ посвятилъ меня въ тайны гимнастики, такъ что, по крайней мѣрѣ теперь, я не раскаяваюсь...

— Ну, такъ на что-жь ви говорите? Это очень хорошо, когда есть свои лошади, вмѣшался Швиндель, наскучивъ молчаніемъ.

«Бубновая Дама» взглянула на него съ презрительнымъ сожалѣніемъ, поднявъ вверхъ брови въ знакъ удивленія къ наивности говорившаго.

— Совершенно вѣрно, баронъ,—еще спокойнѣе продолжалъ Куровъ,—но сохранять привычки дѣтства,—хотя бы напримѣръ къ порядочному обществу и порядочнымъ лошадямъ,—не всегда удобно. Конечно, страсть къ гимнастикѣ удовлетворяется просто: какихъ нибудь двѣ гири составляютъ весь мой комфортъ; но почти *отвыкнувъ* отъ денегъ, я теперь держу всего только одну пару... (Швиндель насторожилъ уши) собственныхъ калошъ и волей-неволей иначе удовлетворяю платонической любви къ лошадямъ, изрѣдка посѣщая циркъ.

Говорившій сохранилъ комическую важность и даже не мигнулъ глазомъ. «Бубновая Дама» порывисто откинулась на спинку кареты и стала громко хохотать надъ разочарованіемъ Павла Семеновича, который ожидалъ по началу разговора, что сидѣвшій противъ него *«капцманъ»* бѣднякъ) держитъ, чего добраго, заводскихъ рысаковъ, ожалуй успѣлъ сдѣлать неожиданно выгодный *гешефтъ*, а и мало ли чего.

Когда невольный виновникъ этихъ шутокъ говорилъ глупости или дѣлалъ какой нибудь промахъ, изящная ботинка безжалостной женщины всякій разъ наступала Курову на ногу. «Баронъ» же, какъ нарочно, своими неудачными выходками безпрестанно подавалъ поводъ къ примѣненію этихъ универсальныхъ телеграфическихъ знаковъ, изобрѣтеніе которыхъ, слышно, относится къ глубокой древности.

Телеграммы (всѣ вѣдь это знаютъ) способствуютъ сближенію людей и сокращаютъ разстоянія. При другой обстановкѣ, Аркадій Ивановичъ, даже при своемъ навыкѣ записнаго Донъ-Жуана, еще долго держался бы въ тѣсныхъ предѣлахъ простой житейской любезности, да и «Бубновая Дама», увѣряю васъ, не вышла бы изъ оффиціальнаго тона «милостиваго государя». Но самородный комизмъ Павла Семеновича установилъ между ними ту короткость, которая всегда возможна, когда люди не играютъ роли и когда «être et paraître» составляютъ для нихъ одно и тоже. Очаровательная блондинка инстинктивно допускала ту условную порядочность въ Куровѣ, которой довольствуются въ подобныхъ случаяхъ. Она поддерживала нѣкоторое запанибратство, будучи увѣрена, что съ другой стороны откровенность и рѣшительность не перейдутъ въ грубость и нахальство. Да и чего впрочемъ не извинитъ зависимость отъ подобнаго Швинделя?

Быть можетъ, желая выместить на немъ всю злобу за скуку цѣлаго вечера, или за что либо другое—она поддавалась обаятельной симпатіи къ молодому человѣку, который, идя навстрѣчу ея понятному влеченію, былъ искрененъ, любезенъ и правдивъ. Съ своей стороны Куровъ заинтересовался не на шутку «Бубновой Дамой»,—она чувствовала это.

Какъ бы то ни было, имъ казалось, будто они знакомы очень давно, такъ что когда карета подъѣзжала къ мѣсту своего назначенія, ловко поправленная мѣховая тальма давала возможность Аркадію Ивановичу пожимать чьи-то крохотныя, теплыя руки. Можетъ быть, сказанное покажется и не совсѣмъ этикетально, но оно было такъ. А въ это время болѣе или менѣе законный seigneur et maître, смутно сознавая, куда былъ направленъ намекъ на привычку къ порядочному обществу,—всѣми силами старался разрѣшить вопросъ, на сколько острота «о парѣ собственныхъ калошъ» могла обидѣть лично его, барона Швинделя. Онъ расшевелилъ свой тяжелый мозгъ и немного уже сожалѣлъ, что не остался вдвоемъ съ своей дамой. Однако пріятная перспектива порисоваться публично въ обществѣ комильфотнаго франта, съ несомнѣнно прекрасными манерами и представительной наружностью, утѣшала буржуазнаго «барона». Встрѣчаются же, въ самомъ дѣлѣ, подобные комики и даже нерѣдко.

Покушали на славу; и я охотно заявляю объ этомъ, дѣлая рекламу «Славянскому Базару», о которомъ сохранилъ пріятное воспоминаніе: признательность—одна изъ моихъ многихъ добродѣтелей.

Швиндель кушалъ, какъ проголодавшаяся акула, и пилъ какъ бутылка—по горло. Его точно рублемъ дарили, называя «вашимъ сіятельствомъ», въ виду ожидаемой подачки на чаекъ и онъ пришелъ въ самое веселое настроеніе, словно праздновалъ имянины. Подходя къ буфету, вставая безъ надобности изъ-за стола, суетясь и развязно распоряжаясь ужиномъ, «баронъ», подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ блистательнаго представленія, ходилъ не иначе, какъ величественнымъ «испанскимъ шагомъ» и всѣми силами старался подражать непринужденности *извѣстныхъ* (своею безъизвѣстностью конечно) жрецовъ искусства въ лакированныхъ ботфортахъ, ко-

торые, живописно группируясь у входа на арену, еще такъ недавно испытывали дѣйствіе помады гонгруазъ на слабое сердце весталокъ полу-свѣта, и приводили въ восторгъ невзыскательнаго Швинделя. (Я всегда впрочемъ былъ того мнѣнія, что хорошій примѣръ рано или поздно находитъ себѣ подражателей).

— Завшемъ прекрасная ахтриса, пробормоталъ наконецъ охмелѣвшій Павелъ Семеновичъ, хлопая Курова по плечу и цѣлуя три неуклюжихъ пальца собственной руки. Онъ безъ сомнѣнія восхищался талантомъ одной изъ наѣздницъ, особенно налегалъ на слово «прекрасная» и даже таинственно прищурилъ глазъ. Расходился, какъ видите, человѣкъ—ну и пошелъ разговаривать все въ этомъ же родѣ: знайте, молъ, какой я эстетикъ!

— М...да, конечно... завидую вашему темпераменту, брезгливо отвѣчалъ Аркадій Ивановичъ, бросивъ косвенный взглядъ на «Бубнову Даму».

— «Saligot!» подумала съ презрѣніемъ она, но безъ злости, какъ будто все обстояло благополучно, да и быть иначе не могло. Только невыгодное для Швинделя сравненіе съ Куровымъ окончательно рѣшило участь перваго: приговоръ былъ жестокъ (конечно не для обоихъ), хотя до этой минуты никакіе особенно злорадные замыслы противъ іерусалимскаго дэнди не приходили въ голову подруги его сердца. Теперь же почему-то она вспомнила видѣннаго недавно стараго субъекта, который, не будучи въ состояніи вольтижировать за одно съ другими, только хлопалъ бичемъ съ удивительнымъ стараніемъ,—и нашла забавную аналогію между азартомъ отставнаго акробата и поведеніемъ своего блудливаго «пиковаго короля», бывшаго, какъ говорится, отъ грѣха не прочь, хотя самъ грѣхъ уже давно отъ него отступился. Она вспомнила свой неудачный бракъ, гаденькое ухаживаніе іудейскаго рыцаря и похвальное спекулированіе на угнетавшую ее когда-то нужду («продалась изъ-за щей», язвила она себя); ей живо представилась вся недолгая, неудавшаяся жизнь, собственное малодушіе въ отвращеніи бѣды... и только послѣ этого она засмѣялась нервнымъ, истерическимъ смѣхомъ.

Подобное веселіе грустнѣе всякой грусти.

Между тѣмъ seigneur et maître самодовольно улыбался и чавкалъ ртомъ, приписывая своему краснорѣчію пріятное настроеніе компаніи. Съ своей стороны Аркадій Ивановичъ готовъ былъ возненавидѣть, даже прибить или придушить виновника всеобщаго веселія. Въ его глазахъ выразилось непритворное состраданіе къ заслуживающей участія «Бубновой Дамѣ».

—

Такъ закончился вечеръ. Приглашенный на ужинъ Куровъ очаровалъ «барона», заплативъ половину поданнаго счета; элегантное портмоне болѣзненно открыло дно, но не уронило себя въ глазахъ постороннихъ.

Затѣмъ уже Швиндель пояснилъ безъ видимаго неудовольствія свой адресъ: когда «Бубновая Дама» заявила надежду, что «M-r Куровъ навѣрное захочетъ побывать *у насъ*». Она крѣпко пожала ему руку изъ окна кареты и они разстались.

— Спокойной ночи! раздалось вслѣдъ уѣзжавшей парѣ.

Хорошенькая головка взглянула еще разъ и всѣ отправились по домамъ.

—

— А странная, въ самомъ дѣлѣ, барыня,—думалъ Аркадій Ивановичъ, ложась спать.—Погибшее созданіе, какъ утверждаютъ,—это женщина, которая, проголодавъ нѣсколько дней, отдается мужчинѣ, пьянствовавшему столько же времени. Но что такое «Бубновая Дама»?...

Онъ такъ-таки не рѣшилъ вопроса и заснулъ въ невѣдѣніи.

Джонъ Макъ-Лакъ.

(*До слѣдующ. №*).

Мечты оптимиста

Твердо вѣрю я: въ грядущемъ
Мы иначе заживемъ,
Всѣмъ невзгодамъ, насъ гнетущимъ,
Память вѣчную споемъ.

Изъ-за грязныхъ дѣлъ не станетъ
Распинаться адвокатъ,
И языкъ свой перестанетъ
Отдавать онъ на прокатъ.

Ставъ гуманнѣй, позабудутъ
Шарлатанить доктора,—
Съ безкорыстьемъ полнымъ будутъ
Дѣлать болѣе добра.

Аффористамъ скажемъ: «Баста,
Вамъ насъ грабить каждый часъ!...
И не станутъ слишкомъ часто
Банки лопаться у насъ...

Наконецъ, оставятъ нѣмцы
К[illegible]овать свой носъ вездѣ...
У[illegible]чи земцы
Толко[illegible]ундѣ...

На дорогахъ [illegible]ѣзныхъ
Меньше будетъ

Меньше трутней безполезныхъ,
Безпорядковъ, воровства...

Не получитъ больше хода
Всякій пошленькій романъ
И пройдетъ, исчезнетъ мода
На скабрезный нашъ канканъ.

И изъ храмовъ Мельпомены
Всѣ бездарности уйдутъ,
Коренныя перемѣны
Тамъ во всемъ произойдутъ...

И, идя путемъ прогресса,
Поучая весь народъ,
Наконецъ родная пресса
Оживится, разцвѣтетъ!

Наши старыя болячки
Заживутъ всѣ, до одной,—
И отъ долгой, вредной спячки
Пробудится край родной!

Незловивый поэтъ.

Приглашеніе на чашку чаю

(сцены изъ московской жизни).

Восемь часовъ вечера. Зала въ домѣ купца Трифона Калиныча Потрохова освѣщена. Посреди залы ломберный столъ, на немъ конторскія книги, счета, и разныя бумаги. Самъ Трифонъ Калинычъ въ сильно потертомъ сюртукѣ расхаживаетъ по залѣ и глядитъ то въ одно окно, то въ другое. Изъ боковыхъ дверей слышенъ звонъ разставляемыхъ рюмокъ и бутылокъ. Въ гостиной на диванѣ мущина лѣтъ подъ 55, прилизанный, съ сѣдыми баками, повидимому адвокатъ, куритъ сигару.

— Ты, Трифонъ Калинычъ, только не мягкосердствуй, а дѣлай дѣло какъ слѣдуетъ. Упрись на одномъ и кончено.

— Это вамъ, Степанъ Иванычъ, говорить легко. Вамъ это не впервые, а я-то вѣдь новичекъ, Бога-то я еще боюсь...

— Нечего тебѣ прикидываться. Вали прямо три гривенника въ три года, а не то конкурсъ.

— А заартачатся?

— Ну, заартачатся, увелъ въ столовую и потчуй. Да что мнѣ тебѣ говорить? Примѣры-то какъ говорить, ты вѣдь видѣлъ. Братъ-то твой Семенъ при тебѣ обдѣлывалъ не разъ.

— Авось какъ нибудь, съ Божьей помощью.

— Вотъ сюртукъ-то ты плохой надѣлъ это хорошо. Бѣденъ молъ... Да! слушай еще: ежели начнутъ тебя судомъ стращать, ты молчи не говори ничего, а я тутъ за дверью буду... Ну, пойдемъ для подкрѣпленія хватимъ по одной.

— Что ты? Господь съ тобою! у меня кусокъ въ горло не лѣзетъ, а ты пить.

— Иди, иди, выпей, это для храбрости лучше.—И онъ увлекаетъ въ столовую купца.

Проходитъ полчаса. Начинаютъ понемногу собираться приглашенные (для какой цѣли,—это читатель уже понялъ). Артельщикъ въ сѣняхъ снимаетъ съ явившихся верхнее платье и они входятъ въ залу.

Первымъ явился молодой купецъ лѣтъ подъ тридцать, въ сѣромъ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ.

— По какимъ собственно причинамъ изволили насъ пригласить, Трифонъ Калинычъ?

— А вотъ вы подождите, Василій Семеновичъ, мы всѣмъ сразу объяснимъ. Тятенька вашъ какъ?

— Тятенька нашъ ничего, а только ежели ты грабить хочешь насъ, такъ я этого не позволю. Слышишь?!

— Зачѣмъ грабить? грабятъ разбойники, а мы въ Бога-то вѣруемъ похристіански.

— Это даже съ [redacted] стороны превосходно, но зачѣмъ же этотъ визитъ на чашку чаю? Таперь вы намъ около пяти тыщъ...

— А намъ только сто тридцать семь рублей, вмѣшивается еще вновь пришедшій въ нѣмецкомъ платьѣ. Повидимому подгулявшій сильно.

— Мое почтеніе, Иванъ Ѳомичъ.

— Наше глубочайшее. Дозвольте справиться, зачѣмъ въ эдакое непоказанное время и вдругъ ангаже на чашку чаю. Что за резонъ и почему такое?

— Должно быть резонтъ есть, коли я зову. Не прикажете ли, пока соберутся, по рюмочкѣ хереску послѣобѣденнаго?

— Оно какъ бы энта рюмка намъ дорого не обошлась бы?!

Раздается сильный звонокъ. Въ комнату вваливается купецъ огромной толщины, въ бобровомъ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ.

— Имянинникъ у васъ, что ли? обращается онъ къ хозяину.—Самъ что ли или жена можетъ?

— Торжества у насъ, Капитонъ Капитонычъ, никакого а можно сказать горе.

— Горе?! Поди-жь ты, а вчера ты какой веселый былъ? Третьяго дня заново у меня товару купилъ на три съ половиною тысячи.

— Это все, батюшка, вѣрно...

— На фортупьянахъ сами разыгриваете романцы или мадамъ ходитъ? снова вмѣшивается кредиторъ на 137 рублей.

— Бросьте вы, господа, шутить-то, тутъ не до шутокъ, замѣчаетъ кто-то, а дѣло видимое, осталось у насъ вотъ сюртучокъ да брючки, такъ и тѣ Трифонъ Калинычъ снять хотятъ.

— Это вѣрно, онъ ограбить хочетъ, какъ братъ ограбилъ насъ.

Проходитъ еще нѣсколько времени, зала наполнилась разнымъ народомъ. Сынъ хозяина и зять то и дѣло увлекаютъ то одного, то другаго въ столовую. Гости выходятъ иные блѣдными, иные красными.

— Одначе пора и сказывать, въ чемъ суть, сколько и сколько. Почемъ послѣднее? раздаются голоса.

Трифонъ Калинычъ выходитъ на средину и останавливается у стола съ бумагами, онъ вынимаетъ платокъ и утираетъ обильно струящійся потъ.

— Вотъ, господа купцы, начинаетъ онъ дрожащимъ голосомъ,—собственно причина, для чего мы васъ призвали. Торговля наша, какъ отъ [redacted]ки перешедши къ намъ, вотъ ужь который годъ безо всякой прибыли и неизвѣстно, можетъ завтра съ женой и малыми дѣтьми по міру пойдемъ.

— Не пойдешь, небось, отзывается одинъ изъ кредиторовъ.

— Шшъ! шшъ! Не мѣшайте.

— Такъ вотъ опосля Ирбитской сидимъ безъ полученія и даже такъ, что на дневные расходы не хватаетъ, такъ я и вздумалъ обратиться къ вамъ, благородные христіане, помогите, сдѣлайте доброе дѣло, какъ теперича чтобы намъ нищими съ женой не быть.

— А домъ-то на чье имя переведенъ? вопрошаетъ кто-то.

— Домъ-съ женинъ, изъ приданаго давно купленъ и какъ теперь я готовъ на все рѣшиться, чтобы какимъ ни на есть манеромъ остаться, какъ завсегда честнымъ человѣкомъ.

— Одначе ты туманъ-то не наводи, а говори, сколько и какъ.

— Позвольте, господа, надоть прежде узнать какой его баланецъ. А то что мы будемъ въ потемкахъ ходить.

— Вѣрно! вѣрно! читайте баланецъ.

— Миша! иди читай. Вотъ сынъ прочитаетъ.

Начинается монотонное чтеніе выписки кредиторовъ; слышно:

«Семенъ Афонасьевъ Дроздовъ семьсотъ тридцать двадцать восемь, Петръ Иванычъ Фефелкинъ четыре тыщи ровно и тридцать шесть и т. д.

Кое кто изъ кредиторовъ записываетъ суммы, чтобы завтра разгласить по городу и хоть немного да подорвать торговлю конкуррента. Самъ же виновникъ торжества шепчется въ дверяхъ гостинной съ адвокатомъ:

— Сведи кой кого выпить. Давай такъ: гривну сейчасъ, остальные въ годъ, если ужь очень кричать будутъ... Винъ не давай, а коньякъ и водку. Чаю тоже... Ладно. На всякій случай редеру приготовь. Ладно...

Чтеніе окончилось, всѣ роются у стола. Нѣкоторые отводятъ другъ друга въ уголъ и шепчутся. Капитонъ Капитонычъ стоитъ передъ Трифономъ Калинычемъ и уперся ему въ лицо.

— Что же, Триша? по разсчету баланецъ и пятиалтыннаго не даетъ. Больно много бронзовыхъ. Ты бы уменьшилъ ихъ.

— Никакихъ тутъ, Капитонъ Капитонычъ, нѣтъ бронзовыхъ, а все по чести сотворено.

— Ежели ты про честь говоришь, такъ ты это оставь, мы ужь объ ней довольно часто наслышаны, надоѣла. Кажная недѣля у насъ такая исторія, а ты скажи, что даешь и какъ?

— Трифонъ Калинычъ! снова зовутъ хозяина,—пожалуйте сюда, разъясните, что же это все обозначаетъ? Сколько же у васъ есть на уплату?

— Я, господа,—и тутъ Трифонъ Калинычъ грузно падаетъ на колѣни,—могу дать три гривны въ три года, не больше того.

— Фью-ю-ю!

— Вотъ-те аплодисментъ! Что же такъ мало?

— Не имѣю-съ. Нищъ и видите, въ какомъ рубищѣ щеголяю.

— Позвольте, господа,—отзывается одинъ изъ кредиторовъ,—это такъ нельзя, я въ судъ подамъ, такъ невозможно. Вы можетъ съ нимъ лѣтъ десять торгуетесь а я первый разъ продалъ и какъ теперь ежели я на эту цифру соглашусь, такъ меня пороть надо. Да я скорѣй сожгу вексель, чѣмъ эти гроши возьму. Виданное ли дѣло?! Грабятъ среди бѣлаго дня, такъ я никакого суда не найду? Нѣтъ, зачѣмъ? Слушай, Трифонъ! я про себя скажу при всѣхъ. Я меньше полтины наличными не возьму и шабашъ, а то завтра же повѣренному передамъ.

— Господи! гдѣ же тутъ полтину взять, когда дай Богъ, чтобы у меня-то хоть на хлѣбъ бы осталось, чтобы съ семьей по міру не пойти.

— Однако вы намъ довольно извѣстны, что на счетъ лошадей охотникъ и теперь на конюшнѣ у васъ стоятъ пары три.

— Да! и опять ваши апартаменты совсѣмъ не похожи на нищенскіе. Эвона какія зеркала. Какъ же ты, таперича, Трифонъ Калинычъ, врешь, такъ это даже невозможно. Совѣсти у тебя ни монетки.

— Ты намъ говори серьозно. Даденое тобою мы не примемъ въ согласіе.

Капитонъ Капитонычъ отзываетъ самого хозяина въ сторону и спрашиваетъ его:

— У тебя кто главный кредиторъ?

— Зять.

— А слѣдующій?

— Слѣдующій женинъ братъ.

— Тэкъ-съ! Обставилъ дѣло, не въ обиду тебѣ будь сказано, ловко. Слушай. Меня здѣсь уважаютъ всѣ. Дай мнѣ одному полтину, а я подговорю другихъ кончать, только не такъ, какъ ты даешь. Это не подойдетъ. Сказывай сразу, что имъ предлагать.

— Коротко и ясно. Сейчасъ пятіалтынный, а черезъ годъ другой. Съ тобой само собой полтину наличными.

— Давай руку. Веди меня водку пить.

— Господа, обращается онъ къ толпѣ приглашенныхъ,—пожалуйте въ столовую! Мы тамъ при винѣ потолкуемъ. Зная таперь меня, какъ четвертаго по суммѣ долговъ, мы порѣшить все можемъ сейчасъ. Трифонъ Калинычъ насъ пожалѣетъ, а мы и его. Идемте!

Всѣ уходятъ въ столовую.

— Случись съ каждымъ изъ насъ эдакое несчастіе и мы тоже вѣдь, раздается разсужденіе Капитона Капитоныча,—всѣ подъ Богомъ ходимъ. Пожалуйте по водочкѣ. Будьте здоровы.

Изъ гостинной выглядываетъ адвокатъ съ зятемъ Трифона Калиныча.

— Дѣло-то на мази. Только пусть сейчасъ не даетъ денегъ Капитону Капитонычу, а повременитъ, пока общаго согласія не будетъ, пока не подпишутъ.

Адвокатъ подходитъ на цыпочкахъ къ дверямъ и прислушивается, говоря въ тоже время съ зятемъ хозяина:

— Редеръ-то есть ли?—Есть.—Какого черта Онисимовъ ломается, самъ въ прошломъ годѣ натворилъ такъ, что любо... Идутъ!

И онъ отскакиваетъ отъ дверей. Появляется хозяинъ и громко зоветъ сына:

— Миша! Неси бумаги сюда, что въ коммодѣ лежатъ. Да чернильницу давай. Сичасъ, господа, все будетъ въ порядкѣ, а завтра милости просимъ за деньгами и шабашъ. Спасибо, люди добрые, что помогли, а то, вѣрите ли, руки на себя наложить хотѣлъ.

— Ну, не ври. Не стоитъ изъ-за такихъ пустяковъ себя убивать, а ты вотъ что, хошь ледерцемъ угости за нашу доброту.

— Ледерцу?! Съ полнымъ удовольствіемъ. Иванъ, неси ледеру сюда! Живо!

— Братцы, теперь ужь одинадцатый часъ, по домамъ-то и рано, и поздно. Давайте, благо угощеніе даровое, сыграемъ въ стуколочку. Можетъ я, грѣшный, потерю-то свою верну.

— Что же, отзывается кто-то,—ежели по небольшой, такъ ходить.

— По три рублика аршинъ.

— Ледерцу, господа, ледерцу, проситъ довольный и сіяющій хозяинъ.

— Извольте. Препожелавъ вамъ всякихъ благъ, просимъ насъ не оставлять.

— Ваши покупатели.

— Трифонъ Калинычъ, велите-ка столовъ да картъ сюда принести.

— Сичасъ. А ужь меня увольте, я послѣ присяду, сыграю.

— А?! Степанъ Иванычъ! восклицаютъ нѣкоторые изъ гостей, узрѣвъ адвоката,—вы-то тутъ что? Орудуете?

— Нѣтъ, мы, Самуилъ Прокофьичъ, изъ любопытства, пріятель Трифона Калиныча.

— Иди, выпьемъ. А завтра заходи, дѣльце есть серьезное. Безпремѣнно зайди.

— Буду непремѣнно. А дѣло-то какое?

— Какое? Въ родѣ нынѣшняго.

— О?!

— Буоны козыри, ремизъ пятнадцать, произноситъ одинъ изъ приглашенныхъ.

Вдали какой-то кредиторъ обнимается съ хозяиномъ.

А. Д—жій.

ИСПОРЧЕННОСТЬ

(Изъ Гейне).

Увы, нашъ презрѣнный порокъ навсегда
Успѣлъ и къ природѣ привиться!
Какъ люди рѣшительно, лгутъ безъ стыда
И звѣрь, и цвѣточекъ, и птица.

На лилію, прежде невинный цвѣтокъ,
Смотрю съ недовѣрьемъ всегда я:
Похитилъ невинность ея мотылекъ,
Легко межъ цвѣтами порхая.

Смущаетъ меня и фіалка собой:
Прелестна, полна аромата,
Но всѣхъ привлекаетъ къ себѣ красотой,
Тщеславнымъ кокетствомъ объята.

Не вѣрю, что, чувствомъ согрѣтъ, соловей
Поетъ свои громкія трели:
Холодной и пошлой рутиной своей
Онѣ мнѣ давно надоѣли...

Коварство къ природѣ совсѣмъ привилось,
Обманъ воцарился по свѣту:
Воняетъ и лижетъ по прежнему песъ,
Но вѣрности прежней въ немъ нѣту.

А. Я. Н—скій.

Давненько не велъ я мемуаровъ; Яичница уѣзжалъ по дѣламъ во Владиміръ, ну, а безъ него какъ-то записывать охоты не было.

Вчера возвратился, встрѣтилъ я его на станціи.

— Ухъ, говоритъ, замучился.

— Слава Богу, что изъ вагона хоть цѣлымъ вышли, отвѣчаю.

— Нѣтъ, говоритъ, эта дорога по строгости исполненія служебныхъ инструкцій можетъ быть поставлена въ примѣръ.

— Это утѣшительно, замѣтилъ я,—что хоть и у насъ можно найти причину сказать доброе слово о желѣзной дорогѣ, а то что ни дорога, то не только примѣрная...

— Больше все безпримѣрныя, перебилъ Яичница.

Дома конечно принялись за чаепитіе.

— Ну, что новенькаго? спрашиваю.

— Новаго-то собственно ничего нѣтъ.—Яичница понюхалъ табаку.—Странно вотъ, ѣхавши туда,—продолжалъ онъ,—замѣтилъ я обиліе пассажировъ перваго класса, съ нашимъ поѣздомъ три вагона этого класса шло. Я поинтересовался, посмотрѣлъ—все тузы коммерціи.

— Дѣйствительно странно, что ихъ по Владимірке потянуло, согласился я.—Ну, что во Владимірѣ?

— А во Владимірѣ-то и совсѣмъ ничего.

— Какъ ничего? Ну, наприм... какъ тамъ живетъ общество?

— Общество... гмъ... Тамъ есть чиновники, есть купцы, есть цеховые, а общества нѣтъ.

— Наконецъ тамъ есть театръ...

— Есть.

— Ну и что же тамъ?

— Въ театрѣ устроенъ винный складъ.

— Какъ винный складъ?! изумился я.

— Такъ. Мнѣ одинъ владимірецъ хвастался: «у насъ, говоритъ, какой антрепренеръ ни пріѣзжай, мѣсяцъ-другой потянется, а затѣмъ непремѣнно въ трубу вылетитъ». Что въ Москвѣ новаго?

— Въ Москвѣ... Да вотъ ряды...

— Неужели перестраиваютъ?

— Нѣтъ, не то,—блажить начинаютъ; въ Серебряномъ ряду крыша провалилась.

— Ну? Знаете, мичманъ, нужно сходить посмотрѣть.

— Пожалуй.

Ходили смотрѣть провалившуюся крышу, народу собралось довольно.

— Проходите, проходите, господа,—обращается къ толпѣ какая-то чуйка, повидимому сторожъ,—чего стоять, ничего нѣтъ особеннаго.

— Какъ ничего особеннаго? удивились мы,—крыша свалилась, развѣ это не особенное?

— Да смотрѣть-то нечего.

— Теперь,—согласились мы,—смотрѣть дѣйствительно нечего, нужно было смотрѣть раньше.

Проходя рядами, Яичница обратился къ одному купцу:

— Ряды у васъ не топятся?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ купецъ.

— Не топятся, значитъ трубъ нѣтъ,—продолжалъ Яичница,—затѣмъ должно быть и крыши проваливаются, что вамъ вылетать некуда.

Купецъ сначала какъ будто хотѣлъ вломаться въ амбицію, но, посмотрѣвъ на наши почтенныя наружности, ласково улыбнулся.

— Эхъ, господа, сказалъ онъ,—надъ нами рядскими не смѣяться надоть, а ордена намъ за храбрость давать, почему-што мы каждый часъ жизнью рискуемъ, постоянно близъ смерти находимся.

— Ну, почтеннѣйшій, пока еще такого ордена не установлено, замѣтилъ Яичница.

— То-то и есть. Вотъ она крыша-то,—купецъ мотнулъ бородой кверху,—кто ее знаетъ, можетъ она сейчасъ намъ на головы упадетъ.

— Такъ чего же вы съ своей стороны не прилагаете старані... къ окончанію вопроса о рядахъ? спросили мы.

— Мнѣ-ка что, у меня своей вотчины нѣтъ.

— Однако,—обрати... я къ Яичницѣ,— не то, чего добраго, правда, крышѣ пр... мысль снизойти до насъ.

— Это правда, согласился

съ купцомъ, мы изъ смертоносныхъ рядовъ поторопились выбраться на улицу.

Возвратившись домой, мы узнали, что у насъ новый сосѣдъ,—хозяйка сдала комнату рядомъ съ нами.

— Кто такой? спрашиваемъ.

— Художникъ, говоритъ.

— Интересно бы познакомиться.

За этимъ дѣло не стало, познакомились очень скоро и художникъ, принявъ приглашеніе, зашелъ къ намъ.

— Я, говоритъ, портретистъ, съ купцовъ портреты пишу.

— Съ однихъ только купцовъ?

— Съ однихъ.

— И много имѣете заказовъ?

— Въ Москвѣ мало, Нижегородская ярмарка выручаетъ,—на цѣлый годъ хлѣбъ даетъ.

— Какъ такъ?

— Да купцовъ туда провинціяльныхъ съѣзжается много.

— Какъ же вы въ теченіе одной ярмарки успѣваете исполнить столько заказовъ, чтобы заработать на цѣлый годъ?

— А я портреты раньше заготовляю.

Мы изумились.

— Это очень просто, пояснилъ художникъ,—купеческіе портреты всѣ на одинъ ладъ. Ну, я къ ярмаркѣ и готовлю ихъ сотню-другую, только безъ головъ. Половину пишу въ русскихъ сюртукахъ, половину въ пріютскихъ мундирахъ. Большой палецъ лѣвой руки засунутъ за бортъ, а четыре пальца вытянуты наружѣ, плотно притиснутые къ груди. Получая заказы, остается подрисовывать только головы и ордена, если таковые имѣются.

— Это очень остроумно, согласились мы.

Посидѣвъ недолго, художникъ началъ прощаться.

— Куда же вы?

— Къ себѣ, обѣдать пора.

— Да вы комнату-то со столомъ наняли?

— Да.

— Ну все равно, значитъ вмѣстѣ и пообѣдаемъ.

Хозяйка, накрывъ на столъ, похвасталась:

— А я, говоритъ, господа, нынче васъ пирогами угощать буду.

— Отлично.

Подали пироги, попробовали и плюнули—стр...
...че то псиной, не то овчиной пахн...
...ъ хозяйку.

— И то пахнутъ, согласилась она,—съ чего-жь бы это такойча....

— Этого, почтеннѣйшая, мы не знаемъ, знаемъ только, что пироговъ ѣсть нельзя, ораторствовалъ Яичница.

— Это ни отъ чего инаго, какъ отъ масла, разсуждала хозяйка.—Теперь, господа, что хочешь, то и дѣлай, пояснила она,—пошло въ продажу это французское масло, только доброе съ нимъ портишь.

— Зачѣмъ же вы его покупаете? покупайте русское коровье масло.

— А развѣ-жь его узнаешь, вѣдь все одно тридцать копеекъ плачу, на совѣсть торговца полагаешься.

— Ну, это напрасно...

— Какъ же не узнать,—вмѣшался художникъ,—на французское масло обратили вниманіе власти, и даже былъ циркуляръ, опубликованный во всѣхъ газетахъ, которымъ запрещалось масло это называть *французскимъ масломъ* и приказывалось прямо именовать его *масломъ искусственнымъ*. Вотъ вы, спрашивая у торговца масла настоящаго, тяните его къ суду, если онъ вамъ отпуститъ искусственнаго.

— И, батюшка, гдѣ-жь намъ, темнымъ людямъ, заниматься этимъ? это вотъ ваше дѣло, ну такъ. А намъ гдѣ,—говорила хозяйка, уходя съ пирогами изъ комнаты.

— Странное дѣло, чего же смотритъ торговая полиція? сказалъ я.

— Смотритъ, какъ продаютъ искусственное масло за настоящее, замѣтилъ Яичница.

Послѣ обѣда пошли прогуляться и по обыкновенію въ бѣлокаменной, на уличный спектакль наткнулись. У извощика закинулась лошадь, извощикъ мальчишка, справить не съумѣлъ, лошадь—на тротуаръ, удержала публика. Собралась толпа. По объясненію мальчика-извощика лошадь эта «съ поконъ вѣка такая».

— Вотъ, замѣтилъ Яичница,—тутъ сразу два случая неисполненія приказовъ г. оберъ-полиціймейстера. Однимъ приказомъ запрещено ѣздить малолѣтнимъ, другимъ запрещено извощикамъ имѣть лошадей съ пороками.

— Да, вмѣшался близь стоящій старичекъ,—это бы дѣло надзирателей... Самой публикѣ слѣдуетъ сообщать въ канцелярію г. оберъ-полиціймейстера о замѣченномъ ею игнорированіи распоряженій начальника по полиціи, какъ

дѣлается въ Петербургѣ.

Въ это время сзади насъ въ толпѣ послышался громкій говоръ. Мы обернулись: оказалось, что жуликъ вытащилъ у кого-то табакерку. Поймали. Сталъ просить прощенія и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что онъ остановился здѣсь «отъ нечего дѣлать».

— Вотъ народъ,—замѣтилъ тотъ же старичекъ,—

стоитъ ничего не дѣлаетъ, а въ карманъ слазить случая не упуститъ.

— Это очень естественно, сфилософствовалъ Яичница,—иногда правленіе акціонернаго общества ничего не дѣлаетъ, а карманамъ акціонеровъ оттого ущербъ.

Купили брошюру доктора Шмидта съ портретомъ. Смотрю, Яичница вырѣзалъ изъ книги портретъ доктора, провозгласившаго излѣченіе рака.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? спрашиваю.

— Да по моему его лучше повѣсить, нежели онъ будетъ въ брошюрѣ.

Повѣсили и любуемся. Вошла хозяйка и поинтересовалась—кто это такой, мы объяснили.

— Теперь, съострилъ художникъ,—раковъ вы имъ не подавайте—ни одного рака на блюдѣ не останется.

Были въ саду «Эрмитажъ» и конечно удивились: сжатый и съеженный прежде садъ вѣетъ теперь широкимъ размахомъ гуляній стараго морелевскаго «Эрмитажа». Правда, садъ нѣсколько меньше размѣрами, чѣмъ былъ при Морелѣ, но это вина не г-на Лентовскаго. Г. Лентовскій воскресилъ былое «Эрмитажа», со времени Мореля москвичи не пользовались такими гуляньями и за то со времени Мореля садъ «Эрмитажъ» рѣдко видывалъ столько публики. Это очень хорошій примѣръ для тѣмъ антрепренеровъ, которые ради меркантильныхъ разсчетовъ боятся зажечь лишній шкаликъ, боятся выпустить лишнюю ракету, составляютъ труппу чортъ знаетъ изъ кого, выѣзжая на двухъ-трехъ первыхъ персонажахъ. Въ «Эрмитажѣ» (нынѣшнее лѣто) не то. Достаточно обратить вниманіе на составъ труппы.

Не говоря уже о хорѣ, въ составъ котораго вошло до сотни хорошо подобранныхъ голосовъ, какое обиліе первыхъ персонажей. Во главѣ женскаго персонала стоятъ г-жи Зорина, Бѣльская и Запольская, во главѣ мужскаго гг. Давыдовъ, Бородинъ, Родонъ, Вальяно, Волховской, Максимовъ. Это вѣдь фамиліи, принадлежащія людямъ набраннымъ, какъ говорится, не съ борку да съ сосенки, но артистамъ не только знакомымъ, но излюбленнымъ московскою публикой. За то вѣдь эта игрушка и стоитъ сверхъ двадцати тысячъ въ мѣсяцъ! Прибавивъ къ этому электрическія солнца, массу различныхъ огней, хорошій оркестръ, выписанныхъ изъ Парижа гимнастовъ и фейерверкъ, стоющій *болѣе двухсотъ рублей въ вечеръ*, каждый согласится, что хозяинъ избѣгаетъ, чтобы посѣтитель, выходя изъ сада, пожалѣлъ проведеннаго тамъ времени.

— Ну, что вы скажете? обратился я къ Яичницѣ, выходя съ нимъ изъ сада.

— Скажу, что г. Лентовскій *задаетъ* гулянья, отвѣтилъ экзекуторъ съ удареніемъ на словѣ «задаетъ».

«Этихъ дамъ» противъ обыкновенія въ «Эрмитажѣ» нынѣшній годъ не бываетъ; приписать ли это наблюдательности полиціи, или распоряженію администраціи сада—не знаю.

—ковъ.

На парижской выставкѣ

ФИЛОСОФСКІЙ ОБЗОРЪ, ПОСВЯЩАЕМЫЙ ПОТОМСТВУ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Путешественники-обозрѣватели:

Щелкоперовъ.
Поэтовъ.
Кусачкинъ.

II

ВЪ РУССКОМЪ ОТДѢЛѢ ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Щелкоперовъ (*указываетъ на огромную пуншевую вазу изъ серебра*). Жаль, не дожилъ до этой выставки Денисъ Васильевичъ—онъ бы воспѣлъ сію вещицу.

Кусачкинъ. Какой Денисъ Васильевичъ?

Щелкоперовъ. Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ—партизанъ-поэтъ 1812 года.

Кусачкинъ. Ну, наврядъ воспѣлъ ли бы Давыдовъ эту вазу, скорѣй обругалъ бы ее какъ слѣдуетъ.

Щелкоперовъ. Какое странное у васъ соображеніе!

Кусачкинъ. Ничуть не странное. Странное-то соображеніе у того, кто за эту вазу *сорокъ тысячъ франковъ* назначилъ. Вѣдь такая цѣна, и безъ пуншу, въ жаръ броситъ. И Денисъ Васильевичъ такихъ дорогихъ вещей не любилъ и воспѣвать ихъ не сталъ бы съ. Вотъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ, дѣло другое, тотъ бы воспѣлъ.

Поэтовъ.

О, чаша, полная вина!
Кто выпьетъ всю тебя, до дна,
Въ единый духъ, въ единый разъ—
Лишится ногъ и рукъ, и гласъ!...

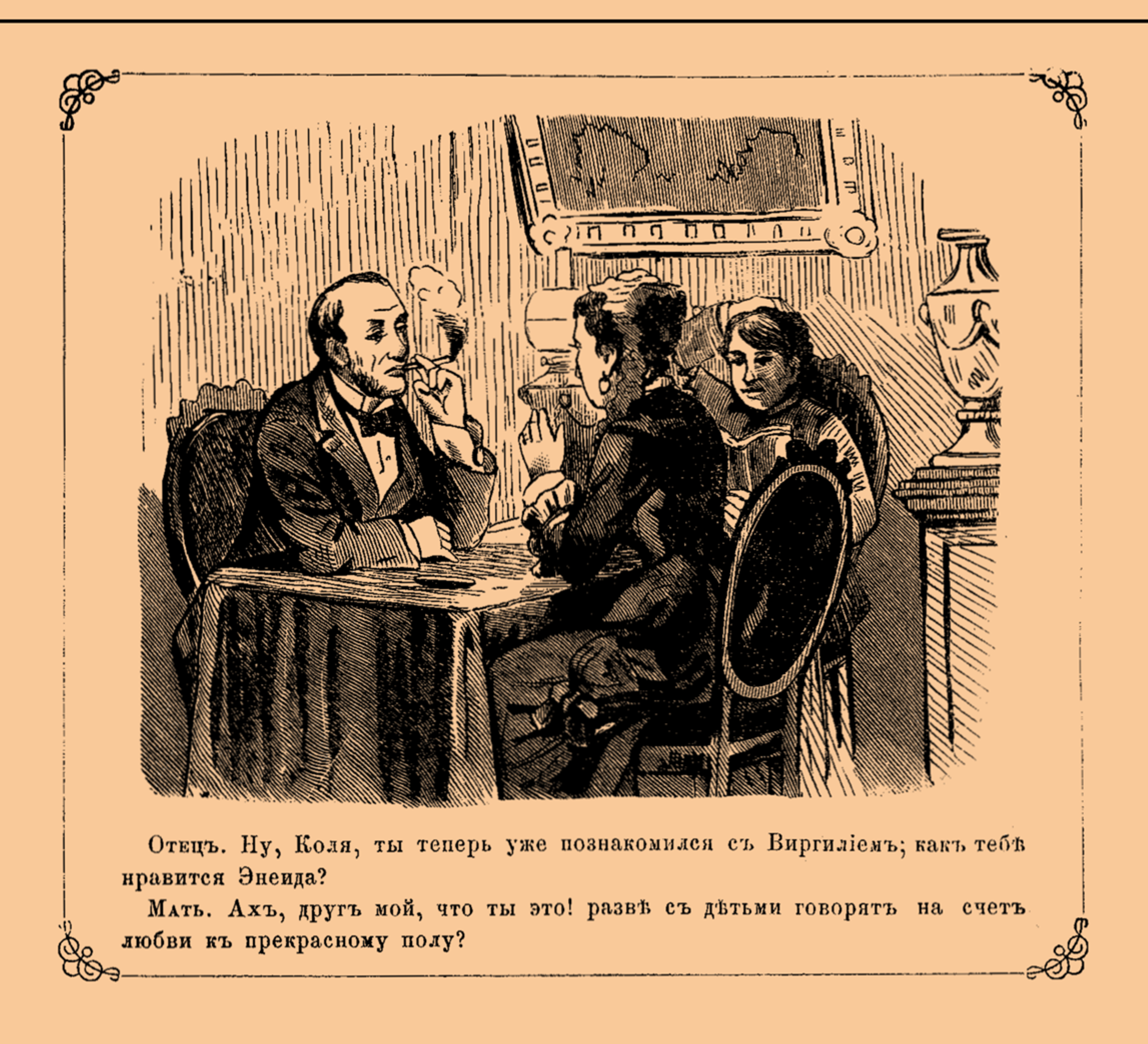
Кусакинъ. А кто купитъ тебя *за сорокъ тысячъ* франковъ, тотъ лишится и разсудка.

Поэтовъ. Ваше предсказаніе неисполнимо.

Кусачкинъ. Почему это?

Поэтовъ. Лицо, *купившее* эту вазу за объявленную цѣну, *уже* не можетъ, *послѣ покупки*, сходить съ ума.

Щелкоперовъ. А вотъ, господа, *серебряный Тьеръ*! (*Показываетъ на бюстъ Тьера, сдѣланный изъ се

Отецъ. Ну, Коля, ты теперь уже познакомился съ Виргиліемъ; какъ тебѣ нравится Энеида?

Мать. Ахъ, другъ мой, что ты это! развѣ съ дѣтьми говорятъ на счетъ любви къ прекрасному полу?

Кусачкинъ. Его бы слѣдовало изобразить въ видѣ хамелеона.

Поэтовъ. Да. Покойный частенько мѣнялъ свои «политическія убѣжденія», но все таки это *разнообразіе* не помѣшало ему быть «освободителемъ территоріи».

Щелкоперовъ (*не слушаетъ и продолжаетъ разсматривать вещи*). Ба, ба, ба! русская изба изъ золота и серебра!

Кусачкинъ. Мимо, господа, мимо!

Поэтовъ (*разсматриваетъ рельефную картину на большомъ серебряномъ блюдѣ*). Какое это событіе изображено здѣсь?

Щелкоперовъ. Въ 125 № «Русскихъ Вѣдомостей» сказано, что эта картина изображаетъ «нашихъ праотцевъ стоящихъ у опушки *еловаго* лѣса и привѣтствующихъ низкими поклонами призванныхъ ими править русскою землею князей Рюрика, Синеуса и Трувора».

Поэтовъ. Почему же художникъ избралъ мѣстомъ встрѣчи опушку *еловаго* лѣса, такъ таки *еловаго*, а не какого нибудь другаго?

Кусачкинъ. У насъ, въ деревняхъ, надъ дверью каждаго кабачка торчитъ *еловая* вѣтка, а то такъ и цѣлый кустъ, такъ на основаніи этого—художникъ этой картины вообразилъ, что *ель* составляетъ любимое деревцо славянъ, и украсилъ мѣсто встрѣчи Рюрика и компаніи цѣлымъ *еловымъ* лѣсомъ. Знайте, дескать, православные, какими «знаменитыми пропилеями» вошли къ намъ Варяжскіе князья. Да и самимъ-то князьямъ хорошій намекъ сдѣланъ: «видите: елка! Ну, и знайте, что порядку у насъ нѣтъ».

Поэтовъ. Не совсѣмъ тактично, за то откровенно.

Щелкоперовъ. Да, *ель* у насъ имѣетъ свое, если не историческое, то бытовое значеніе. Я слышалъ, что съ августа мѣсяца, *крапива* будетъ принята эмблемой нѣкоторыхъ общественныхъ финансовыхъ учрежденій, какъ то: банковъ, различныхъ кредитныхъ обществъ и тому подобныхъ акціонерныхъ предпріятій.

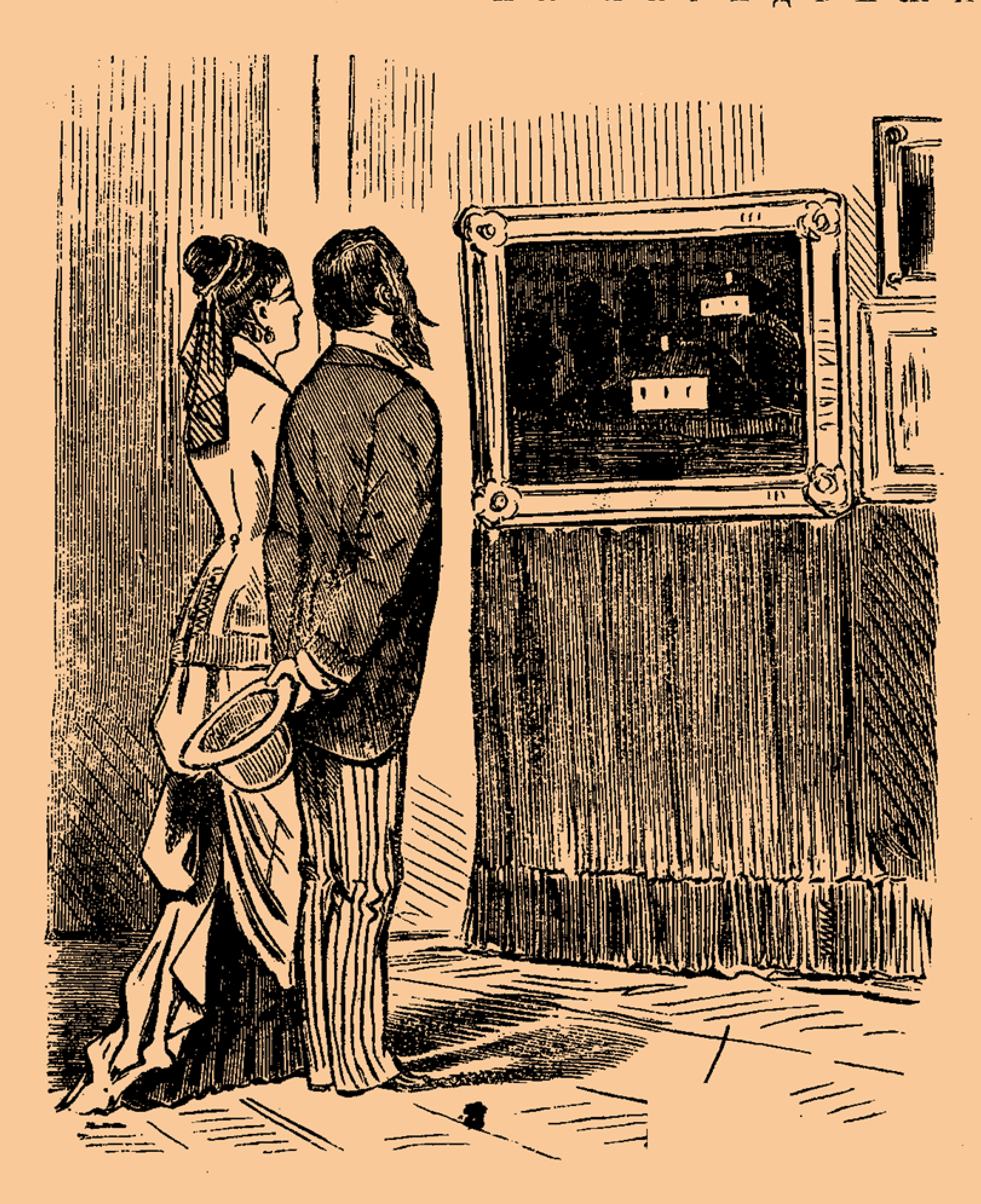
Поэтовъ. Интересно слышать.

Щелкоперовъ. Еще бы не интересно: новость. Видъ этого растенія будетъ помѣщенъ въ срединѣ печати каждаго акціонернаго общества, и будетъ имѣть вверху надпись: «ожгу!» Коротко и ясно.

Поэтовъ. Такая печать, пожалуй, повредитъ финансовымъ операціямъ общества?

Щелкоперовъ. Никогда! Тѣ лица, которыя завѣдуютъ дѣлами и кассами общества, всегда отличаютс извѣстной предусмотрительностію,—такъ и на этотъ ъ они не сдѣлали ошибки: печать будетъ имѣть еще которую особенность: внизу, подъ изображеніемъ куста крапивы, будетъ написано, въ формѣ различныхъ арабесокъ, слѣдующія слова: «*Восемь семь процентовъ на капиталъ*».

НА ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКѢ

Она. Что изображаетъ эта картина?

Онъ. Это Куинджи хотѣлъ показать, какъ эффектны малороссійскія мазанки при бенгальскомъ освѣщеніи.

— Почему подписано подъ картинкою Саврасова „послѣ дождя“, а не „передъ дождемъ“?

— Вѣроятно, такъ показывалъ термометръ, когда онъ рисовалъ ее.

Поэтовъ. Тогда выгодно ли будетъ учредителямъ?

Щелкоперовъ. Если вы внимательно будете разбирать эту заманчивую надпись, то увидите, что тамъ написано не «всѣмъ семь процентовъ на капиталъ», какъ это съ перваго раза кажется, а «съѣмъ всѣ проценты и капиталъ». Такъ какже тутъ учредителямъ-то невыгодно?

Поэтовъ. Господи Боже мой! До чего дошелъ русскій человѣкъ!

Щелкоперовъ. Да-съ. Ужь мы теперь и не «на обухѣ рожь молотимъ, а на булавочной головкѣ.

Поэтовъ. Вѣдь это, я думаю, силу прогресса и степень культурнаго развитія доказываетъ?

Щелкоперовъ. Еще бы не развитіе! Кто можетъ такъ тонко и предупредительно запустить лапу въ вашъ карманъ, какъ не культурный человѣкъ?

Поэтовъ. Да, теперь *все это* такъ хорошо устроено; на[redacted]мѣръ, общественный банкъ: директора, бухгалтеры, кассиры, разные служащіе, бланки, книги, печати, акціи, облигаціи—все такъ чинно, предупредительно: пожалуйте, говорятъ, вашъ капиталъ, мы вамъ десять процентовъ....

Кусачкинъ. Вдругъ: культура!

Щелкоперовъ. Ну и летитъ все вверхъ ногами!

Поэтовъ. Оно не совсѣмъ пріятно, за то сильныхъ ощущеній много.

Кусачкинъ. Да, ощущеній много. Ощущенія... ощущенія... это такое дѣло... Не пора ли намъ запустить чего нибудь?

Енпе.

Избранные анекдоты

ИЗЪ ЖИЗНИ ВЕЛИКАГО КОНФУЦІЯ

Выйдя разъ на прогулку, Конфуцій встрѣтился съ однимъ кабатчикомъ, шедшимъ, понуря голову.

— Что ты такъ грустенъ? спросилъ Конфуцій.

— О, великій человѣкъ,—отвѣчалъ кабатчикъ,—я очень обиженъ: меня никуда не выбираютъ, и даже не выбрали въ члены Англійскаго клуба.

— Утѣшься, сказалъ Конфуцій,—ты жалуешьс

тебя не выбрали въ члены Англійскаго клуба и не выбираютъ никуда, пойми, мой другъ, это доказываетъ только, что ты *выбранъ* уже изъ среды всего общества.

—

Великій Конфуцій превозносилъ только личныя заслуги и былъ врагомъ случайныхъ выскочекъ. Разъ одинъ изъ такихъ выскочекъ, желая похвастаться, обратился къ Конфуцію:

— Я, сказалъ онъ,—получаю скоро въ одномъ частномъ банкѣ видное мѣсто.

— Какія же имѣешь ты къ тому основанія? спросилъ Конфуцій.

— О! я очень близокъ къ директору, я даже почти каждый день обѣдаю съ нимъ. Что ты скажешь на это?

— Другъ мой, отвѣтилъ Конфуцій,—въ однѣхъ ясляхъ съ моимъ конемъ кормится оселъ, но я не вижу въ этомъ основанія дать ему такое же видное мѣсто, какое занимаетъ иногда конь.

—

Однажды Конфуцію предложили на разрѣшеніе вопросъ: что нужно сдѣлать съ гласнымъ, не являющимся на собранія Думы?

— Нужно благодарить его, отвѣтилъ Конфуцій,—гласный этотъ сознаетъ свою безполезность на засѣданіяхъ и, не являясь, поступаетъ честно.

— Тогда ему не слѣдуетъ носить и званіе гласнаго, замѣтилъ кто-то.

— Друзья мои, возразилъ Конфуцій,—онъ болѣе гласный, нежели кто другой; онъ *гласно* заявляетъ о своей негодности, а на это не у каждаго хватитъ мужества.

—

Когда лопнуло одна за другою нѣсколько банкирскихъ конторъ, потерпѣвшій вкладчикъ, встрѣтясь съ Конфуціемъ, горько жаловался на это.

— Банкиры наши, говорилъ онъ,—берутъ деньги на текущій счетъ, потомъ вылетаютъ въ трубу и пускаютъ вкладчиковъ по міру. Вылетѣвшій въ трубу банкиръ какъ ядро упадаетъ въ кружокъ своихъ вкладчиковъ.

— Нѣтъ, замѣтилъ Конфуцій,—банкиръ ни мало не похожъ на ядро, потому что ядро вылетитъ и «отдастъ», а банкиръ вылетитъ и не отдастъ.

—

Директоръ одного частнаго банка, встрѣтясь съ Конфуціемъ, съ горькими сѣтованіями разсказывалъ ему, что кассиръ въ его банкѣ стянулъ значительный кушъ и задалъ тягу.

— Другъ мой, нужно строже смотрѣть за кассирами, сказалъ Конфуцій.

— Это очень трудно, замѣтилъ директоръ,—за кассиромъ въ банкѣ такъ же трудно слѣдить, какъ за водолазомъ на днѣ моря.

— Неправда, возразилъ Конфуцій,—между кассиромъ и водолазомъ существуетъ большая разница: водолазъ сначала скроется, а потомъ вытащитъ, а кассиръ сначала вытащитъ, а потомъ скроется.

ФИЛОЗОФСТВО И РАЗСУЖДЭНІЙ

КАРЛА ИФАНОВИШЪ ШУСТЕРЛЕ.

(О пословицахъ).

(Продолженіе).

62). Дѣвка нѣмка каврить не можетъ, а все понимать можетъ.

— Што же? Расвѣ она нѣмой?

63). Жена не гитара, на стѣнки, поигравши, не повѣсишь.

— Ахъ, какой глупій пословицъ! Развѣ на женѣ струна есть, и играть можно, штобъ его гитаромъ називать?

64). Жена не сапоги, съ нога не скинешь его.

— Сапоги легче скидовайтъ съ нога, а когда жена сидитъ на твоего колѣна, то она тяжелѣе.

65). Женушки душке лубитъ мягкій подушке.

— Вотъ это прафда! Это совсѣмъ по нѣмецки пословица.

66). Животъ Ерошка около большова дорошка.

— Ну, какой мнѣ до того дѣло, што его животъ лежитъ на дорожка?

67). За одинъ битый два небитыхъ отдаютъ.

— Развѣ онъ такой дорогой? Напримэръ, въ Охотній радъ развѣ за битый гусь два живой даютъ? Курьозъ!

68). Заставь дурака Бога молиться, а онъ себѣ свой лопъ расколотитъ.

— Не надо тогда его заставляйтъ.

69). Звони въ колокола, штобъ попадья не спала.

— Это ошень смишно! Развѣ въ церква только для одного попадья звонятъ?

70). Кошка снаетъ, чей онъ говядина скушалъ.

— Это я не фѣрю. Если онъ скушитъ говядина курицы или барашки, развѣ онъ уснаетъ, чей это изъ нихъ?

71). Надо снать толкъ, штоби пьяно́му не давать въ толкъ.

— Да! Это прафда. А то онъ мошетъ напиться въ трактиръ еще и послѣ не саплатитъ.

72). Иколка маленькій, а ошень больно уколитъ.

— Ой, ой, ой! Кто же это не снаетъ?

73). Мужикъ снаетъ, кто на него лаетъ,

— А развѣ ми не снаемъ, што собака?

74). Иной лубитъ попа, а иной попадью.

— Ну да! фкусъ есть разный на этомъ свэтъ.

75). Когда идошь на драка, не шалѣй волосъ.

— Клупо ошень! Лучше обстригаться, штобъ ихъ не вирвали.

76). Какъ волку не давай кушить, а онъ все въ лэсъ смотритъ.

— Я ишшо ни одинъ разъ не видалъ, штобъ волку люди давали кушить, кромѣ звѣринецъ.

77). Когда утопешь, такъ топоръ даешь, а когда тебѣ вытащатъ, то и ручки жаль.

— Ну, скашите, расвѣ всякій, кто утонетъ, имѣетъ топоръ съ собою?

78). Какъ пьянъ, то и капитанъ, а когда проспится, такъ и свиньи боится.

— Это непрафда! Я фидѣлъ тищи пьяныхъ и они вовсе никогда не капитаны.

79). Черезъ масло каши не запортишь.

— Ну, а если масло будетъ горкій?

80). Лошадь имѣетъ четыре нога и тоже натыкается.

— А што же кучеръ смотритъ? Онъ фозжи держитъ. Онъ снашитъ дуракъ.

81). Кто ошень больно сѣчетъ, тотъ нѣжно и лубитъ.

— Ну, это смишно! Если я свой жина нэжно лублю, я долженъ его больно сѣчь? Да?

82). Кто за два зайци гонится, тотъ ни одного не мошетъ поймать.

— Е да! Потому они бѣгутъ уфъ разный сторонки.

83). Кто на молодой кочетъ женился, тотъ штобъ съ холостими не водился.

— Это прафда! Я ни одинъ холостой къ себѣ уфъ домъ не пускаю.

84). Кто ни попъ, тотъ и батька.

— Я кафорилъ, что русскій язикъ ошень смишной. Ну што я можетъ понимайтъ изъ этого пословицъ? Попъ снашитъ тоже, што фасоль и попъ это свишшеникъ. Утифительно!

85). Кто празднику радъ, тотъ до утра пьяный.

— Это вэрно! Это пословицъ у русскій мастеровой.

86). Кто пьетъ ошень много фина, тотъ скоро сходитъ съ своего ума.

— Я фина не пью, я пью только пивъ, а по этому я и не снаю.

87). Кто раньше вставалъ, палка взалъ, тотъ и капралъ.

— Расвѣ всякій, у кого только есть палка, мошетъ бить капралъ? Ошень клупо.

88). Курица не поетъ пѣсни, какъ пѣтухъ.

— Это кашдій дитя снаетъ. Не снаю, зашэмъ писать этого?

89). Локти плизки, а только иво не закусишь.

— Это фэрно! И пятка на нога тоше нельзя закусать.

90). Лучше торговать, шѣмъ воровать.

— Клупій сравненій. Послѣ воровство расвѣ только торговля есть?

91). Медвѣдь одного лапа сосетъ и всю зиму ситъ.

— Ну, это неисвэстно, штобы онъ билъ ситой.

92). На бѣднаго Макарку всѣ шишки валяются.

— Зашэмъ же онъ подъ дерево сталъ, съ котораго шишки валяются?

93). На голаго ногу всакій башмакъ впору.

— Ну нэтъ! На мой голій нога дѣтскій не полэзетъ.

94). Зашэмъ обижаться на зеркало, когда рожа у тебя кривой.

— Я думаю, зашѣмъ смотрэть въ зеркало ему?

95). Что написано съ пиромъ, то не вирубишь съ топоромъ.

— Утифительно! Расвѣ это лѣтъ, чтобъ съ топоромъ вырубать?

А. Д—жій.

ТОЛКОВАНІЯ СНОВИДѢНІЙ,

упущенныя изъ виду Мартиномъ Задекою.

1). Ночнаго сторожа трезваго и на своемъ посту видѣть во снѣ, — означаетъ для москвича пріобрѣтеніе рѣдкости.

2). Какой нибудь оконченный проэктъ Городской Думы видѣть во снѣ, — предвѣщаетъ долговѣчность увидавшему.

3). Передѣлку водосточной трубы видѣ во снѣ, — означаетъ мѣстный потопъ, то есть въ той улицѣ, гдѣ была или будетъ передѣлка.

4). Лужи на улицѣ, гдѣ проведена новая водост

труба, видѣть во снѣ,—означаетъ приготовлять лодку или лучше ковчегъ, въ которомъ свободно можно плавать сорокъ дней и сорокъ ночей по той улицѣ.

5). Филипповскую сайку безъ таракановъ увидать во снѣ,—предвѣщаетъ пріятный аппетитъ.

6). Колбасное заведеніе увидать во снѣ,—знакъ потери аппетита.

7). Билетъ взятый на бенифисъ какого нибудь артиста Малаго театра видѣть во снѣ, — предвѣщаетъ сильную скуку и тоску.

8). Бывши акціонеромъ какого нибудь общества, увидать себя во снѣ на скамьѣ подсудимыхъ,—означаетъ пріобрѣтеніе всемірной извѣстности.

9). Бывши гласнымъ (Моск. Думы), воздушные зáмки видѣть во снѣ, предвѣщаетъ экстренное засѣданіе въ городской думѣ.

10). Хотя одну изъ московскихъ улицъ хорошо вымощенную и безъ ямъ увидать во снѣ, (на яву таковой не имѣется!)—предвѣщаетъ надежду, что лѣтъ черезъ 200 будетъ правильный ремонтъ мостовыхъ.

11). Бывши вкладчикомъ какого нибудь банка, видѣть во снѣ кассира того же банка, уѣзжающимъ по желѣзной дорогѣ,—означаетъ скорую потерю капитала.

12). О дешевизнѣ квартиръ слышать во снѣ,—предвѣщаетъ вторженіе непріятеля въ Россію.

Д. Д.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ Москва. Еф. См. Стихотвореніе, о которомъ вы спрашиваете, не было у насъ напечатано въ означенныхъ вами годахъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цензурой. Москва 7-го Іюня 1878 года.

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера. (Яуз. ч. 1 кв. № 82).